

Хозяйство и практики социального взаимодействия в советской деревне в контексте мобилизационной экономики СССР в 1930-х — начале 1950-х гг.

Аннотация. Автор анализирует проблемы изучения хозяйства и социального взаимодействия в советской деревне в контексте мобилизационной экономики СССР в 1930-х — начале 1950-х гг.

В ходе исследования сделан вывод о том, что реализация мобилизационной модели проекта социальной инженерии, обладающего внутренней логикой и единством элементов как системы связей социально-политического взаимодействия, четко фиксируется в выше-названных хронологических рамках. Цель этого проекта (помимо централизации управления и оптимизации производства сельскохозяйственной продукции) состояла в формировании социальной основы индустриального общества, выработке соответствующей психологической оснастки, ориентаций и установок сознания крестьянства. Однако оно, адаптируясь к происходившим изменениям, меняло содержание предписанного порядка действий, используя инструментарий мобилизационной экономики в своих интересах.

Ключевые слова: советская деревня, мобилизационная экономика, хозяйство и практики социального взаимодействия.

Неоднозначность и многомерность дефиниции «мобилизационная экономика», введенной в научный оборот в начале 1990-х гг. для определения стратегии странового развития¹ и распространившегося впоследствии в системе массовых коммуникаций в качестве единицы культурной информации, задает необходимость беспристрастного и объективного анализа как системы представлений, характеризующих существо проблемы, так и методологии и методики ее изучения. Интерес к теме в научной среде усиливается по мере возрастания угроз национальной безопасности в системе международных отношений и кризисных явлений в российской экономике. Так, дважды — в 2009 и 2012 гг. — в Челябинском государственном университете прошла Всероссийская научная конференция на тему: «Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века». Подобная проблематика находит поддержку у российских научных фондов².

Вместе с тем на сегодняшний момент сложно констатировать хотя бы наличие общего понимания проблемы мобилизационной экономики в российской истории: не решен вопрос о ее периодизации, не определены предметное поле научного анализа, условия функционирования подобных практик, не выявлены предпосылки и причины актуализации мобилизационных стратегий. Так, «уникальный опыт формирования и использования мобилизационной экономики» В.В. Седов относит только к 1931–1989 гг., А.С. Сенявский же отмечает значимость внеэко-

* Сухова Ольга Александровна — доктор исторических наук, историко-филологический факультет Пензенского государственного университета, savtemp@yandex.ru. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 18-09-00125\18) «Хозяйство и практики социального взаимодействия в советской деревне в контексте мобилизационной экономики СССР в 1930-х — начале 1950-х гг.».

номических приоритетов в хозяйственном развитии России на протяжении всей ее истории³. Неопределенность существует и в отношении понятийного аппарата. Сомнению подвергается синонимичность определений «мобилизационная экономика» и «модель мобилизационного развития»⁴, а ключевой характеристикой мобилизационной экономики называется регулярное использование чрезвычайных мер, нарушающих существующие нормы и правила⁵ и т.д.

Очевидной представляется необходимость сопряжения данной категории с модернизационной макротеорией (теорией модернизации). Спровоцированная некогда крушением колониальных империй и поиском альтернатив коммунистической ориентации парадигма, объясняющая закономерности перехода от традиционного к индустриальному обществу (обществу модерна), к настоящему времени значительно эволюционировала, что повысило ее эвристическую ценность. Прежде всего речь идет о следующих изменениях: признание вариативности национальных моделей модернизации, зависимости эффективности модернистских программ от гармонии политических, экономических и социокультурных ценностей; отказ от идеи существования «центра modernity»; реабилитация значения традиционных институтов, способных стать факторами социальных изменений; рост внимания к конфликтам в процессе модернизации; отказ от ее трактовки как единого процесса системной трансформации; осознание некорректности интерпретации модернизации при акценте на ее циклическую, волнообразную природу; признание ее обусловленности внутренними и внешними ограничителями, в роли которых могут выступить социальные представления, ментальность и т.д.⁶

В этом контексте системным признаком выбора мобилизационной стратегии социального развития (на очередной волне модернизационных усилий) будут выступать степень этатизации общественных отношений и использование принудительного труда. Уникальность имперского цивилизационного проекта в российской истории задавала определенный антураж, позволявший весьма эффективно использовать внеэкономические (в том числе и ментальные) методы стимулирования странового развития. Отличия советской модели здесь будут минимальными: например, доминирование на всем протяжении ее истории внеэкономических приоритетов⁷.

Мобилизационная модель экономики, окончательно утвердившаяся в качестве основного курса социально-экономической политики Советского государства к концу 1920-х гг., официально позиционировалась в качестве единственного и исключительного средства для противодействия угрозе государственной безопасности со стороны «враждебного» окружения. И хотя в общем перечне факторов возрождения традиционной стратегии особое положение занимает опыт чрезвычайного управления времен Гражданской войны, нельзя не учитывать исторической преемственности советской и имперской эпох, сохранение геополитических, геоэкономических и социокультурных констант цивилизационного развития. Неслучайно некоторые исследователи относят возникновение мобилизационных стратегий в системе государственного управления к эпохе Нового времени, что объясняется формированием абсолютизма и появлением регулярных армий⁸. Специфику реактуализации соответствующих социально-политических связей в советскую эпоху, конечно, трудно объяснить исключительно проявлением имперских амбиций И.В. Сталина. Однако факт обращения к истории

ческому опыту оптимизации ресурсов в целях решения военно-стратегических задач несомненен. Подобный контекст позволяет представить 1930-е — начало 1950-х гг. в качестве целостного этапа реализации масштабнейшего социального проекта, ориентированного на формирование системы национальной безопасности традиционными средствами. Попутным и естественным результатом утверждения системы производственных отношений мобилизационной экономики и методов принуждения выступало формирование «депо» соответствовавших социальных реакций, обеспечивавших адаптацию и включавших как различные формы сопротивления, так и механизмы поддержки инноваций.

Основным объектом избранной стратегии выступало крестьянство, по-прежнему составлявшее большинство населения СССР. Степень этатизации советского сельского хозяйства, вмешательства государства в сферу производства и распределения произведенного продукта беспрецедентна. Под видом инновационной стратегии большевики задействовали кооперативную модель организации хозяйственных практик, ориентированную на достижение кумулятивного эффекта посредством обобществления средств производства. Однако переход на инновационные рельсы развития в советском варианте модернизации обеспечивался усилением административного диктата и, как это ни парадоксально, уничтожением носителей необходимых ценностных установок. Колхозы стали суровой «школой коммунизма». Демонстрация технических и социальных преимуществ индустриализации сельского хозяйства и утверждение нового формата связей социального взаимодействия (в большевистской риторике — политико-массовая работа среди крестьянства) играли в ней лишь вспомогательную роль. Главным средством интенсификации производства служил принудительный труд, одноканальный вариант плановой экономики, когда государственные потребности в продукции сельскохозяйственного производства обеспечивались подавлением сопротивления под видом борьбы с антисоветскими проявлениями, а также политикой раскулачивания, широким применением насилия.

Непосредственным результатом подобного социального проекта стал голод 1932–1933 гг., пожалуй, самый массовый в истории страны. Крах политики экономического абсурда привел к созданию более сбалансированной модели, сохранявшей гарантии витальности крестьянского хозяйства в форме приусадебного участка и, по сути, вводившей временное прямое управление аграрным сектором экономики.

В 1933–1934 гг. чрезвычайные полномочия получили политотделы МТС (были сформированы из кадрового корпуса ОГПУ)⁹. Показательно, что их вновь задействовали во время Великой Отечественной войны (в частности с ноября 1941 г. по май 1943 г.) в целях укрепления трудовой дисциплины, порядка и обеспечения выполнения планов сельскохозяйственного производства¹⁰.

Формальными же основаниями для ликвидации данных политотделов стали «дублирование функционала директоров МТС, а также неудовлетворительное состояние политической работы среди колхозников и рабочих совхозов»¹¹.

Повторное обращение к практикам кризисного управления служит весомым аргументом в пользу сохранения единства и преемственности принципов и инструментария мобилизационной экономики на протяжении всего периода 1930–1950-х гг.

Кроме того, использование чрезвычайных мер указывает на ее специфическую характеристику — обусловленность кризисным состоянием общества, следовательно, и ограниченность пределов эффективности по времени, а также степени интенсивности экстремальных управленческих практик.

Критерием эффективности мобилизационной стратегии в колхозной деревне с момента утверждения «Примерного устава сельскохозяйственной артели» (17 февраля 1935 г.) и единой мерой учета труда колхозников и распределения доходов стал трудодень. Подготовка к отражению внешней агрессии вызвала к жизни необходимость интенсификации производства сельскохозяйственной продукции, что в заданной системе координат обернулось ужесточением административного давления на крестьянство. С подачи майского (1939 г.) Пленума ЦК ВКП(б) было введено требование выполнения обязательного минимума трудодней. В условиях резкого сокращения объемов производства сельскохозяйственной продукции на начальном этапе войны минимум был существенно увеличен (постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г.). Для большинства регионов страны увеличение составило 50% (с 80 до 120 трудодней). Впервые был установлен минимум трудодней для подростков — членов семей колхозников в возрасте 12–16 лет (не менее 50 трудодней в году)¹². Невыполнение минимума влекло за собой наказание в виде исправительно-трудовых работ или исключение из сельхозартели.

Мера принуждения к труду под страхом наказания, основанная на административной и уголовной ответственности в реальной действительности была малоэффективна, т.к. исключение из артели государством не приветствовалось. Самой суровой мерой наказания могло послужить изъятие приусадебного участка, однако выделялся он на двор, а не на конкретного члена артели. В итоге обоснованием данной меры принуждения стало лишь получение гарантированного минимума сельскохозяйственной продукции, но никак не укрепление трудовой дисциплины или рост объемов производства. Так, в 1939 г. в целом по СССР 15,8% всех взрослых трудоспособных колхозников не выработали обязательного минимума (8,4% мужчин и 22,2% женщин). В 1940 г. показатель снизился до 11,5%. Однако в годы войны в условиях резкого сокращения трудовых ресурсов советской деревни произошло постепенное увеличение числа колхозников, не выработавших установленного минимума (до 16,2% — в 1944 г., 15,4% — в 1945 г.)¹³.

По тыловым регионам страны показатель составил в среднем 12% (максимальное значение показателя — в Пензенской области и Мордовской АССР: соответственно 32,5 и 30,3% в 1945 г.). В годы войны фиксируется незначительное снижение числа женщин, не выполнивших минимума, но это объясняется, скорее, ростом производственной активности представительниц слабого пола, заменивших ушедших на фронт мужчин.

Неуклонно увеличивалась среднегодовая выработка населения в тыловых регионах: 1940 г. — 250 трудодней, 1945 г. — 267, причем трудовое участие женщин возросло с 193 до 245 соответственно¹⁴. За годы войны произошло снижение доли колхозников, исключенных из колхоза и потерявших право пользования приусадебными участками: 8,5% — в 1939 г., 2,4% — в 1945 г.

Положение советской деревни в целом было близким к катастрофическому: численность трудоспособных колхозников на 1 января 1946 г. сократилась до 67,5% от уровня 1940 г., посевная площадь в 1946 г. составила 71%, на 23,5%

снизилось количество выработанных трудодней, а количество зерна, выданного на трудодни, уменьшилось с 2 ц в расчете на душу населения или 152,4 млн ц в целом (1940) до 0,74 ц или 48,7 млн ц (1945). Это составляло чуть более 200 г в день; в Пензенской области и Мордовской АССР в 1945 г. колхозники получили по 0,4 ц на душу населения или 110 г¹⁵.

В этих условиях решениями февральского Пленума ЦК ВКП(б) 1947 г. повышенный в 1942 г. обязательный минимум выработки трудодней был сохранен и в послевоенный период¹⁶. В дальнейшем это было зафиксировано в постановлениях Совета министров СССР — о продлении действия повышенного обязательного минимума трудодней на 1949 и 1950 гг.¹⁷

К началу войны налоговое законодательство фактически уравнило все категории сельского населения. Согласно положениям закона «О сельскохозяйственном налоге» от 1 сентября 1939 г., к уплате сельхозналога помимо хозяйств колхозников и единоличных хозяйств, были привлечены хозяйства членов промысловых кооперативов, а также рабочих и служащих, имевших подсобные хозяйства в сельской местности. В военные годы налоговое законодательство менялось неоднократно и в сторону увеличения. 3 июля 1941 г. размер сельхозналога удвоили, в 1942 г. указом Президиума Верховного совета СССР от 29 декабря 1941 г. был введен военный налог, в 1943 г. — повышены нормы доходности крестьянских хозяйств. При этом сохранялись и натуральные налоги, введенные еще декретами 1921 г. и продублированные в форме «обязательств» в начале 1930-х гг. Помимо этого существовала и трудовая, и гужевая повинности на предприятиях Наркомлеса СССР. В течение 1930–1950-х гг. количество дней работы колхозников на лесозаготовках в порядке трудгужповинности постепенно возрастало. Если в конце 1920-х гг. оно составляло 50–60 дней, в 1930-х — первой половине 1940-х гг. — от 100 до 120 дней¹⁸.

Отдельным аспектом анализа выступает изучение практик политического управления, встроенных в мобилизационную модель, и ответной реакции населения на организационные усилия властей. Внезапность военной агрессии потребовала дополнительных мер, направленных на централизацию управления и увеличение объемов государственных поставок сельскохозяйственной продукции. Практическое воплощение курса локализовалось на региональном уровне. Так, указанием Пензенского областного комитета партии в перечень мобилизационных мероприятий в конце июня 1941 г. были включены требования развертывания масштабной агитационно-пропагандистской работы, направленной на укрепление социально-политической сплоченности, усиление бдительности в вопросах государственной безопасности и охраны социалистической собственности.

Эти призывы вылились в митинги, проведенные в колхозах по инициативе райкомов партии («первый раз после начала войны Германии против СССР и второй <...> после речи тов. Сталина, произнесенной по радио 3 июля 1941 года»). Также были предприняты отдельные попытки организовать посты для охраны складов, сельхозмашин и инвентаря, телефонных линий, нового урожая на полях и т.д.¹⁹ Партийные чиновники сетовали на отсутствие дополнительных мероприятий организационного характера на местах, что указывает на существование определенных пределов эффективности мобилизационной модели, логика развития которой требовала постоянного увеличения административного присутствия и политических акций. Не всегда получалось спрогнозировать и реакцию

населения на призывы партии. Бесхитrostное описание провала агитационной кампании в с. Волчий Враг Чембарского района представлено в докладной записке инструктора сельскохозяйственного отдела Пензенского обкома ВКП(б) С.С. Шальнева: «На 10/VII было назначено общее собрание колхозников, на котором должны выступить — я и первый секретарь райкома т. Савин и, если по другим колхозам люди собирались в один час, то в Волчьем Враге мы ожидали 3 часа. При неполном сборе собрание было открыто, несмотря на все наши агитационные меры, ни один человек не выступил ни за, ни против. На мою постановку вопроса ко всему залу, что в ответ на призыв вождя товарища Сталина, все как один выйдем в поле на уборку хлеба, мы получили гробовое молчание. Тогда я поставил вопрос в другой плоскости, неужели мы допустим, чтобы также как в 1940 году погиб и урожай в 1941 году. Это будет предательством родины. Ответ также не последовал. На второй день агроном колхоза “Братья Маигусовы” Волчье-Вражского с/сов. мне сообщил, что на сенокосе “некоторые колхозники” вели разговор, что “за невыход на работу не имеют право наказывать, карательную экспедицию не пришлют, чтобы заставлять работать”, словом ободряли “не робейте” и т.д.»²⁰. Такое поведение колхозников Шальнев оценил как проявление саботажа и деятельности контрреволюционной эсеровской организации.

Вместе с тем сохранялся и прежний фон агитационно-пропагандистского ресурса. Воспитание трудящихся «в духе передовых революционных идей», «в борьбе за власть и за построение социалистического строя» признавалось важнейшей сферой реализации управленческих практик, основным полем деятельности ВКП(б)²¹ и, бесспорно, необходимым элементом мобилизационной стратегии. На этом фоне констатация неудовлетворительного состояния работы официальных каналов распространения информации — тревожный сигнал несогласования системы социально-политического взаимодействия, ослабления мобилизующего начала. Так, летом 1942 г. руководство Пензенской области было всерьез обеспокоено падением влияния Коммунистической партии: «Во многих колхозах, совхозах, МТС и промышленных предприятиях политические доклады и беседы не проводятся по несколько месяцев подряд. Вместе с тем радио и газеты до широких масс села не доходят. Большинство газет оседает в учреждениях, сельсоветах, правлениях колхозов, где зачастую расходуется на раскрутку, газетные витрины и витрины последних известий не организованы»²².

В условиях деградации информационного поля активизировались традиционные каналы коммуникации. В некоторых районах области были зафиксированы слухи, в которых информация о создании антигитлеровской коалиции интерпретировалась с позиций жизненных интересов советского крестьянства. К примеру, «26 государств, якобы, предъявили ультиматум советскому правительству о роспуске колхозов и об открытии всех ранее закрытых церквей»²³. Внешний по отношению к советскому руководству фактор, экстремальные практики военной повседневности служили питательной почвой для распространения информации, аккумулировавшей глубинные устремления крестьянского сознания. В этом случае слухообразование передавало не всегда осознанные и вербализованные социальные представления о путях восстановления прежней жизни, традиционной культуры крестьянской повседневности. Признаки грядущих перемен виделись в каждом сообщении, каждом фрейме, рамочно фиксировавшем отклонения от установленного курса

внутренней и внешней политики СССР (введение погонов в РККА, ожидание открытия Второго фронта и т.д.). Так, согласно спецдонесению УНКВД по Курганской области, «провокационные слухи» о роспуске колхозов получили широкое хождение весной 1943 г. после «указа правительства о введении погонов в РККА, что является якобы требованием Америки и Англии, которые настаивают также на роспуске колхозов и ставят вопросы помощи СССР в войне против Германии и открытии Второго фронта в Европе в зависимости от выполнения этих требований»²⁴.

В Шумихинском районе той же области единоличница из д. Каменское убеждала колхозников в том, что «нашему правительству Англия и Америка предложила пять условий: на армию надеть погоны, открыть церкви, распустить колхозы, освободить заключенных и всех евреев направить на фронт. На армию погоны уже одели, церкви в городах открывают, колхозы же сразу распустить неудобно, решили к весне сделать много бригад в каждом колхозе, которые будут работать самостоятельно, и урожай будут делить между собой, а осенью колхозы распустят, и все будем жить единолично». А.А. Александров (заведующий кафедрой), эвакуированный из Ленинграда и проживавший в зерносовхозе «Большевик», в частной беседе заявил: «Народ ко мне ходит и интересуется о роспуске колхозов, я считаю, что такие вопросы и настроения у сельского населения свидетельствуют о том, что народ хочет и ожидает роспуска колхозов»²⁵.

Принципиальное значение имеет изучение крестьянского социума как самоорганизующейся системы — одновременно и объекта внешнего воздействия, государственной экономической и социальной политики, и субъекта, творца новой социальной реальности, находящейся в постоянном взаимодействии с внешней средой и обменивающейся с ней энергией и информацией. При этом специфика содержания и методов аграрной политики ВКП(б) может быть понята как попытка обуздания спонтанных социальных реакций, не предусмотренных идеологией преобразований. С другой стороны, в контексте современной синергетики адаптационные поведенческие стратегии экстремальной повседневности («жизни в катастрофе»), формирующиеся в процессе коммуникации, предстают как механизм самопроизвольного возникновения упорядоченных структур, к рождению порядка из хаоса²⁶.

Например, факт появления постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» свидетельствует, что крестьяне задавали свои правила игры. И превышение допустимых размеров приусадебных участков, закрепленных Уставом сельхозартели, стало обыденной и распространенной практикой. Нарушение нормативов по земельным участкам, находившимся в личном пользовании колхозников, происходило не без ведома правлений колхозов, а нередко санкционировалось и райисполкомами. Так, разбирая множественные случаи нарушения указанного постановления на территории Пензенской области, уполномоченный КПК при ЦК ВКП(б) Новиков, пенял первому секретарю обкома партии А.Ф. Кабанову: в 1940 г. по колхозам области выявили 6 621 случай захвата земли на площади 562 га, но изъято и прирезано к общественным землям только 272 га или 48%; член колхоза «Гигант» (Сердобский район) Бывшев «под видом мнимого раздела семьи пользуется двумя приусадебными участками на площади 0,63 га»; «в результате массового самовольного захвата колхозной земли многие колхозники превратили приусадебные участки

в основной источник дохода и систематически не вырабатывают установленного минимума трудодней»; «Чембарский райисполком в 1940 году официально утвердил приусадебные участки по 36 колхозам (1 689 хозяйствам) с явным нарушением в сторону незаконного их увеличения от 0,02 га до 0,17 га»²⁷.

В том же ряду фиксировалось и обыденное сопротивление принудительным методам мобилизационной экономики: падение трудовой дисциплины, невыход на колхозные работы, невыполнение обязательного минимума трудодней, хищения «социалистической собственности», жалобы и иные формы обращения к властям, самовольный уход колхозников из колхозов и проч. Еще один способ адаптации — начисление трудодней на оплату работ, не связанных непосредственно с колхозным производством. Так, летом 1944 г. в ходе выборочных проверок, проведенных в шести районах Пензенской области, прокуратура выявила массовые случаи нарушения ст. 15 Устава сельхозартеля по оплате трудозатрат, не связанных с хозяйственной деятельностью колхоза (аренда квартиры для правления колхоза, для счетоводов и проч., дежурство колхозников в сельсовете, оплата работы кузнеца, уход за сиротами и т.д.)²⁸.

Концепция самоорганизации оказалась востребованной социальными и гуманитарными науками по мере утверждения синергетического подхода, открывшего новые горизонты исследований²⁹. Эвристическая ценность подобных построений определяется выделением и противопоставлением двух состояний социальных связей и взаимодействий: социальной самоорганизации как естественного порядка и социального управления, выступающего искусственным процессом, привносимым извне и задействованным в конструировании «человеческой природы». Социальная динамика при этом определяется возможностью трансформации определенных областей в системе социальных отношений (областей свободы, характеризующихся специфической пластичностью, допускающей восприятие новаций), что и программирует парадоксальную формулу осуществимости утопий³⁰. На наш взгляд, рассматривая человеческое общежитие как социальную систему, важно учитывать ее неотъемлемую характеристику — тяготение к состоянию равновесия, что и предполагает наличие областей, отвечающих за адаптацию к вызовам извне, изменениям, облегчающим восприятие нового. В этом контексте мобилизационная стратегия может рассматриваться как способ усвоения новых смыслов через привычные для коллективной памяти институты. Сюда же следует отнести и этатистские установки крестьянской психологии.

Примечания

¹ Фототов А.Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М., 1993.

² Круглый стол «Мобилизационная экономика»: понятие, его границы и содержание // Вестник Челябинского государственного университета. История. 2010. № 15(196). Вып. 40. С. 142–147; Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сб. материалов II Всерос. науч. конф. / под ред. Г.А. Гончарова, С.А. Баканова. Челябинск, 2012.

³ Мобилизационная модель экономики ... С. 8–9, 64.

⁴ Круглый стол «Мобилизационная экономика» ... С. 143.

⁵ Там же. С. 144.

⁶ Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006.

- ⁷ *Сенявский А.С.* Экономическое развитие России в XX веке: историко-теоретические проблемы // Мобилизационная модель экономики ... С. 64.
- ⁸ *Берсенева В.Л.* Мобилизационная модель экономического развития в контексте историографического анализа // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. № 1. С. 17. URL: http://magistravitaejournal.ru/images/j_pdf/02.pdf (дата обращения: 01.04.2019).
- ⁹ *Кондрашин В.В., Мозохин О.Б.* Политотделы МТС в 1933–1934 гг. М., 2017. С. 280–281.
- ¹⁰ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М., 1985. Т. 7. С. 260.
- ¹¹ Там же. С. 412.
- ¹² Там же. С. 114, 282.
- ¹³ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 7. Д. 542. Л. 1.
- ¹⁴ Там же. Л. 2, 5.
- ¹⁵ Там же. Л. 4–5.
- ¹⁶ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях ... М., 1985. Т. 8. С. 140.
- ¹⁷ РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1709. Л. 2.
- ¹⁸ *Безнин М.А., Димони Т.М., Изюмова Л.В.* Повинности российского крестьянства в 1930–1960-х годах. Вологда, 2001. С. 76–97.
- ¹⁹ Государственный архив Пензенской области (ГА ПО). Ф. П-148. Оп. 1. Д. 539. Л. 29.
- ²⁰ Там же. Д. 414. Л. 57.
- ²¹ Там же. Д. 637. Л. 1.
- ²² Там же. Л. 4.
- ²³ Там же.
- ²⁴ *Колхозная жизнь на Урале. 1935–1953.* М., 2006. С. 425.
- ²⁵ Там же. С. 426–427.
- ²⁶ *Лысак И.В., Басина Н.И.* Общество как саморазвивающаяся система: возможности применения системного и синергетического подходов к исследованию социальной реальности // *Вестник ДГТУ*. 2011. № 10(61). Т. 11. С. 1896–1903.
- ²⁷ ГА ПО. Ф. П-148. Оп. 1. Д. 414. Л. 67–72.
- ²⁸ Там же. Д. 1091. Л. 1–2.
- ²⁹ *Пигалев А.И.* Социальная самоорганизация, синергетика и конец истории // *Мир психологии*. 2011. № 2. С. 38–51.
- ³⁰ Там же. С. 40–41.

Библиография

- Безнин М.А., Димони Т.М., Изюмова Л.В.* Повинности российского крестьянства в 1930–1960-х годах. Вологда: Вологодский НКЦ ЦЭМИ РАН, 2001. 141 с.
- Берсенева В.Л.* Мобилизационная модель экономического развития в контексте историографического анализа // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. № 1. URL: http://magistravitaejournal.ru/images/j_pdf/02.pdf (дата обращения: 01.04.2019). С. 15–20.
- Колхозная жизнь на Урале. 1935–1953* / сост. Х. Кесслер, Г.Е. Корнилов. М.: РОССПЭН, 2006. 912 с.
- Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М.: Политиздат, 1985. Т. 7. 1938–1945. 574 с.; Т. 8. 1946–1955. 542 с.
- Кондрашин В.В., Мозохин О.Б.* Политотделы МТС в 1933–1934 гг. М.: Русская книга, 2017. 304 с.
- Круглый стол «Мобилизационная экономика»: понятие, его границы и содержание // *Вестник Челябинского государственного университета. История*. 2010. № 15(196). Вып. 40. С. 142–147.
- Лысак И.В., Басина Н.И.* Общество как саморазвивающаяся система: возможности применения системного и синергетического подходов к исследованию социальной реальности // *Вестник ДГТУ*. 2011. № 10(61). Т. 11. С. 1896–1903.
- Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сб. материалов II Всероссий. науч. конф. / под ред. Г.А. Гончарова, С.А. Баканова. Челябинск: Энциклопедия, 2012. 662 с.
- Пигалев А.И.* Социальная самоорганизация, синергетика и конец истории // *Мир психологии*. 2011. № 2. С. 38–51.
- Побережников И.В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН; Ульяновск: Ульяновский Дом печати, 2006. 237 с.
- Фонотов А.Г.* Россия: от мобилизационного общества к инновационному. М.: Наука, 1993. 271 с.